

Melancholie van de onrust

Joke J. Hermsen

Vertaling van het eerste hoofdstuk “De bedreigde zwaan” (pp. 7-17, 3019 woorden) in het Russisch

door Katja Assoian

1

Испуганный лебедь

Ян Асселин, Испуганный лебедь. 1650.

Депрессия – это меланхолия, лишённая очарования. Сьюзен Зонтаг

Невозмутимо и величаво скользят они по водной глади, перебирая лапами вязкую тину и устремляя длинные белые шеи к облакам. Лебеди больше других птиц пробуждают в нас меланхоличное настроение. Завораживая царственной осанкой и грациозными движениями, они одновременно внушают нам благоговейный трепет, когда, хлопая могучими крыльями, отрывают свое густо оперенное тело от воды и поднимаются в небо. Так же как меланхолия, лебеди сочетают в себе крайности: тяжесть и воздушность, безмятежность и тревогу, красоту и страх. Итало Кальвино описывал меланхолию как «печаль, которая обрела легкость», а Виктор Гюго называл ее «счастьем быть грустным». Подобные противоречивые эмоции приписывают и

лебедям. Недаром в старинных поверьях эти непевчие птицы встречают гибель изумительным пением. Вот почему последнее яркое сочинение поэта или композитора мы называем «лебединой песней».

Это предание восходит к классической древности. Умиравший Сократ в платоновском диалоге «Федон» утверждает, что лебеди, «почувыв близкую смерть», поют не о страданиях, а о прекрасном, ожидающем их в загробной жизни. Будучи созданиями Аполлона, в предсмертный час они исполняют гимн в его честь. В древнегреческой мифологии лебедь нередко сопровождает Афродиту, представляет один из обликов Зевса, ассоциируется с несколькими героями, нареченными именем Кикн (Лебедь), а также неизменно встречается в финских, ирландских и норвежских легендах. Символ мудрости, красоты и печали, лебедь оставил свой след в музыке, литературе и изобразительном искусстве. В многочисленных художественных творениях, начиная от «Карнавала животных» Камиля Сен-Санса до «Лебедя» Шарля Бодлера и «Лебедей в Венсене» Стефана Хертманса, эта белая водоплавающая птица символизирует человеческую меланхолию.

Одним из самых знаменитых голландских полотен с изображением лебедя является картина кисти Яна Асселина «Испуганный лебедь», созданная художником в 1650 году. Этому лебедю не свойственно ни спокойное смирение, ни жалобное пение. Птица, под которой сделана подпись «великий пенсионарий», яростно защищает свое гнездо – встав на задние лапы, расправив крылья и вытянув вперед шею, она грозно шипит на атакующего ее врага, черную собаку на другом берегу. Это одна из последних работ Асселина, современника Рембрандта, принадлежащая (отчасти благодаря добавленным позднее надписям) к числу наиболее известных аллегорических репрезентаций опасностей, угрожавших Голландии в XVII веке.

«Лебедь Асселина, изображенный в натуральную величину и по диагонали покрывающий весь холст, – это архилебедь, воинственный и храбрый», – писала голландская поэтесса Ида Герхардт. Он призван защитить свое гнездо с яйцами, на одном из которых начертано «Голландия», от нападений агрессора, и делает это решительно и пылко. Будущее нависло над ним темным облаком, сулящим неизвестность, а горизонт пылает бледно-оранжевым в свете заходящего солнца. Лебедь поражает воображение своим непоколебимым бесстрашием и неистовым

желанием оградить гнездо от собаки, символизирующей «врага государства» в лице Вильгельма III Оранского.

Лебеда на картине отождествляют с Йоханом (Яном) де Виттом, одним из самых влиятельных государственных деятелей Золотого (XVII) века Нидерландов, в течение почти двадцати лет занимавшего пост великого пенсионария провинции Голландия. Вместе со своим братом Корнелисом он выступал за усиление власти администрации штатов и заботился о том, чтобы города не попали в руки оранжистов. Политическая проницательность Де Витта способствовала сохранению единства Голландской республики и периоду беспрецедентного расцвета в стране. Однако в 1672 году, вошедшем в историю Нидерландов как «год бедствий», Республика Соединенных провинций подверглась нападению со стороны Франции и Англии. Силы атаковавших быстро сломали сопротивление и захватили большую часть голландских земель. После этого поражения Йохану де Витту было предъявлено обвинение в государственной измене, и власть в стране перешла к Вильгельму III Оранскому. Йохан де Витт и его брат Корнелис были жестоко убиты разъяренной толпой, подстрекаемой политическими противниками Де Виттов. Безграничное доверие, прежде оказываемое Йохану де Витту в целях охраны «гнезда», в мгновение ока обернулось ностальгией по королю и иррациональным страхом вперемешку с ненавистью, приведя к самым громким политическим убийствам в истории Нидерландов.

Образ беснующегося лебеда с картины Яна Асселина, похоже, отражает и дух нашего времени. Сегодня многие люди, ощущающие угрозу привычному укладу жизни, кидаются на всех, кто не разделяет их мнения, задевает или ставит под сомнение их дом, страну и традиции. На картине видно, что в трудные времена и в опасной ситуации (будь то реальная или мнимая опасность) меланхолия может превратиться в испуг и агрессию. Между тем собака, угрожающая Нидерландам на картине, уже давно не ассоциируется с потомком династии Оранских. В данный исторический момент никто не станет олицетворять ее с Виллемом-Александром.

По мнению растущего числа европейских политиков, сегодняшняя угроза камуфлируется различными терминами, вроде «нелегальные иммигранты», «мусульмане», «мигранты», «беженцы» или «охотники за богатством». Несколько лет назад итальянский философ Джорджо Агамбен обобщил все эти термины в одном из

понятий римского права *homo sacer* («человек священный»). В эпоху Древнего Рима *homo sacer* был изгнанником, объявленным вне закона, или изгоем общества, отвергнутым гражданами полиса, лишенным всех прав и осужденным на нелегальное существование. Агамбен полагает, что мы по-прежнему подвергаем людей остракизму и социальному исключению. Мы отчуждаем от общества лиц, запросивших, но не получивших убежище, тем самым обрекая их на бесправие, останавливаем беженцев на границах Европы или изолируем их в палаточных лагерях. В наши дни собака, угрожающая Нидерландам, все больше напоминает *homo sacer* Агамбена. Складывается впечатление, что тех, кого исключают из общества, обвиняют в проблемах, к коим они никак не причастны. Мы как будто используем их, дабы развеять собственные страхи – не только перед лицом глобального изменения климата, очередного финансового кризиса, нового террористического акта, но и в отношении утраты собственной идентичности и устоявшихся ценностей.

Ощущение опасности присуще людям всех эпох, однако в последние годы оно превратилось в «новое недовольство культурой»¹, как пишет нидерландский писатель и журналист Бас Хайне в своем эссе «Недовольство» (2016). Популистские партии ловко используют подобное недовольство в своих политических целях, тем самым лишь нагнетая тревогу среди населения. Само общество, похоже, погрузилось в глубокую меланхолию, о чем, в частности, свидетельствует огромное множество людей, страдающих депрессией. Как бы по-разному ни проявлялась меланхолия на протяжении столетий – от «акедии» (уныния) в средние века, «мировой скорби» (*Weltschmerz*) и сплина (хандры) в XIX веке до современной депрессии – она всегда подпитывалась чувством страха, потребностью в чем-то или переживанием утраты. Меланхолики грустят о минувшем, ощущают всеобщую бессмысленность существования, мучаются страхом неопределенности, чувством бессилия и неуверенности. Меланхолия может выражаться в сознательных воспоминаниях о событиях, произошедших в прошлом, или в бессознательной тоске по тому, чего никогда не было. Человеку чего-то не хватает, но он не в состоянии определить достоверно, чего именно. Иной раз это ощущение нехватки подхлестывает желание пуститься на поиски утраченного; в таком случае меланхолия способна разжечь творческую энергию.

¹ Отсылка на трактат «Недовольство культурой» З. Фрейда – здесь и далее прим. переводчика.

Однако ощущение потери может также вызвать ностальгию по прошлому, даже если мы отдаем себе отчет в том, что в ту пору много чего оставляло желать лучшего. Эта ностальгия только усиливается, если мы теряем веру в прогресс, переставая доверять настоящему и опасаясь будущего. Исследования, свидетельствующие о том, что в мире стало меньше нищеты, голода и неграмотности, кажутся нам неубедительными, не избавляя нас от подозрений, что на самом деле мир катится в тартарары. Мы не ведаем, куда именно держим путь или куда нам предначертано идти, и потому тоскуем о столь привычном нам прошлом. Не случайно ностальгический лозунг Трампа «Сделаем Америку снова великой» помог ему победить на выборах. «Мы хотим вернуть себе нашу страну», – европейский вариант этого лозунга, а «Нидерланды снова наши» – предвыборный девиз ультраправой «Партии свободы» в Нидерландах.

«Ностальгия» происходит от двух греческих слов: «*nostos*» (возвращение) и «*algos*» (боль, печаль, страдание). Мы тоскуем по прошлому и страдаем от этого. Нам кажется, что будущее сулит сплошь потери, нагоняя на нас беспокойство, страх и неуверенность. В результате чего меланхолия как неотъемлемая часть человеческого состояния любой эпохи и культуры выходит из равновесия. Амбивалентная сущность меланхолии – грусть вкупе с утешением или надеждой, боль, сопровождаемая красотой и радостью, – утрачивает силу. Мы по-прежнему любим музыку, побуждающую нас предаваться мечтаниям, или кино, в котором луч света распарывает темноту, однако сии меланхоличные звуки и образы не поднимают наш творческий дух, не окрыляют нас и не вселяют надежду на обновление.

Выставка «Меланхолия. Гений и безумие Запада», организованная в 2006 году в Париже и Берлине, привлекла внимание несметного числа посетителей, равно как и экспозиция «Темные комнаты. О меланхолии и депрессии», показанная в музее доктора Гелена в Генте в 2014 году. Мы отводим душу в изобразительном искусстве, музыке и кино, дающих волю «туману Меланхолии», которая «внезапно с неба низойдет к земле, даруя влагу травам безуханным»², как писал Джон Китс в своей «Оде меланхолии», но заостряющих внимание преимущественно на темной стороне меланхолии, игнорируя ее живительный аспект. Нам нравится читать меланхоличные или депрессивные романы, такие, к примеру, как «Бесконечная шутка» (1996) Дэвида

² Перевод Е. Витковского.

Фостера Уоллеса, «Физика печали» (2015) Георги Господинова или «Пятнадцатое августа в Париже» (2014) Селин Кюриоль, но они редко вызывают у нас улыбку. Любим мы и глубоко меланхоличную музыку. Названия альбомов «Blackstar» и «You Want It Darker», выпущенные соответственно Дэвидом Боуи и Леонардом Коэном в 2016 году, говорят сами за себя – к тому же, это их последние альбомы, их поистине «лебединые песни».

Меланхолия – это настроение, не подвластное временным и национальным границам; в истории едва ли была цивилизация или период, в той или иной степени не окрашенные меланхолией. В последние годы опубликовано несколько исследований, в которых прослеживаются сходства и различия между классическим понятием меланхолии и современной депрессией. Среди них «История меланхолии» (2010) Карин Юханнисон, «Безумная, плохая и грустная» (2008) Лизы Аппиньянези, «Новое черное» (2011) Дэриана Лидера и «Эпидемия депрессии» (2009) Труди Дехью, профессора психологии и философии науки в университете Гронингена.

По ходу истории мы по-разному относились к меланхолии. Не только форма меланхолии, но также ее оценка и лечение зависят от социально-политических условий и принятых в обществе представлений о здоровье и болезни в целом. В XX веке комплексу меланхолических настроений, чувств и душевных состояний мы дали однобокое название «депрессия», завуалировавшее амбивалентную природу меланхолии и предельно ее медикализировавшее.

Около четырехсот миллионов человек во всем мире страдают от этого психического расстройства, на борьбу с которым брошены тонны антидепрессантов. Несмотря на сомнительный эффект этих медикаментов при легких формах депрессии, их использование за последние двадцать пять лет возросло в четыре раза. Только в Нидерландах в 2014 году антидепрессанты прописали более миллиону человек. Фармацевтическая индустрия процветает, однако, по мнению Лизы Аппиньянези, доля «излеченных пациентов» за последние сто лет почти не увеличилась. По словам психиатра Витте Хохендейка, вот уже тридцать лет изучающего депрессию, «при легкой и умеренной форме депрессии антидепрессанты не действуют». В интервью газете «NRC Handelsblad» (11 февраля 2017 г.) он заявил, что «фармацевтическая промышленность потратила уйму денег на рекламу и информационную обработку врачей», которые стали гораздо охотнее прописывать таблетки. Однако теперь, когда

оказывается, что результаты лечения не оправдали ожиданий, фармацевтическая индустрия уклоняется от ответственности. «Все население сидит на таблетках, а с фармацевтов как с гуся вода».

Депрессия служит основной причиной психологических страданий, социального одиночества и инвалидности во многих странах, и целый ряд ученых считает, что пределы медицинского вмешательства посредством антидепрессантов уже достигнуты. В диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам DSM-5 депрессия описывается как подавленное состояние, выражающееся во всепоглощающем чувстве грусти, пустоты или отчаяния. Столь широкое определение депрессии также способствовало распространению ее лечения психотропными лекарственными средствами. Такие авторы, как Дехью и Юханнисон, объясняют рост применения антидепрессантов не только гегемонией фармацевтической промышленности, но и влиянием неолиберального рыночного мышления, в частности гонкой за высокими показателями производительности и «запретом на вдумчивость», как пишет Дехью; быстрые и конкурентноспособные действия ценятся выше, чем спокойствие и рассудительность.

Если мы хотим разобраться в нюансах современной формы меланхолии, а не просто беспомощно взирать на то, как все больше и больше людей становятся ее жертвами, нам следует рассмотреть этот феномен в более широком культурно-историческом контексте. На мой взгляд, помимо социальной и исторической рефлексии, классическую меланхолию и современную депрессию необходимо подвергнуть глубокому философскому анализу. Меланхолия может перерасти либо в печальное осознание бренности бытия, зачастую способствующее пробуждению творческой энергии и солидарности, либо в патологическую депрессию, с сопутствующими ей подавленностью, тревожностью и беспомощностью. Испокон веков человеку приходилось учиться справляться с лишениями, разочарованием и неудачами, однако сегодня мы, похоже, в значительной степени утратили эти навыки.

В представленном вашему вниманию эссе я хотела бы выяснить, почему это произошло, а также исследовать политико-культурные причины и последствия этого явления. Из нашей жизни мало-помалу что-то исчезло, некая взаимосвязанность, цель или направление, и это ощущение утраты столь безраздельно завладело нами, что мы принялись отождествлять собственное «Я» с ее объектом. Мы не только потеряли

нечто – в некотором смысле мы, похоже, потеряли самих себя. Мы толком уже не помним, кто мы есть на самом деле, и все крепче цепляемся за то, что британский философ ганского происхождения Кваме Аппиа называет «ярлыками идентичности»: религию, класс, этническую принадлежность и прочее, исключаящие другие «ярлыки» и дробящие мир на враждующие или преследующие друг друга группировки.

Однако с древних времен меланхолия также сопрягается с творчеством и даже гением, при условии, что ей не позволяют выйти из берегов надежда, жажда жизни, решительность и чувство реальности. Только при наличии этих противовесов меланхолия способна стать мощной движущей силой уникального умения человека создавать новое, а также активировать критическое мышление и этическое поведение. Об этом говорится, в частности, в фильме Ларса фон Триера «Меланхолия» (2011), в котором Земля разрушается подозрительно похожей на Сатурн планетой (в астрологии Сатурн ассоциируется с меланхолией). Депрессия угрожает погубить человечество – в этом, как представляется, заключен посыл фильма. Сам режиссер, переживавший тяжелую депрессию во время съемок, заметил, что хотел лишь заглянуть в «пучину немецкого романтизма».

Словенский философ Славој Жижек, известный своими нестандартными взглядами, придерживается иного видения и считает, что фильм Ларса фон Триера расширяет наше этическое сознание, поскольку главная героиня «Меланхолии» принимает смерть, а не отрицает и не подавляет ее. Хотя подобное толкование картины убеждает далеко не всех, Жижек говорит здесь об одном существенном различии, отмеченном более ста лет назад Зигмундом Фрейдом в его эссе «Скорбь и меланхолия» (1917): различии между скорбящим о конкретной потере и в процессе скорби постепенно ее принимающим, и патологическим меланхоликом, сожалеющим об абстрактной потере, до сути которой он не в силах докопаться, но которую непосредственно связывает с собственным «Я». Таким образом, меланхолик претерпевает утрату или обеднение собственного «Я».

Задолго до Фрейда Платон в одном из его диалогов «Федр» (370–360 до н.э.) разделял меланхолию на болезненную и «божественную». В представленном вашему вниманию эссе мне хотелось бы исследовать, в какой степени это различие, упоминаемое со времен Платона многими философами и врачами, по-прежнему способствует пониманию того меланхолического общества, в котором мы оказались

сегодня. С этой целью, по примеру Платона, я также буду проводить разграничение между болезненной формой меланхолии, отчасти подпитываемой турбулентностью современного мироустройства, и здоровой меланхолией, пробуждающей рефлексию, сострадание и творчество. Утрата близких, достижений или идеалов неизменно сопряжена со скорбью, однако вопрос в том, когда и почему в том или ином социально-политическом контексте одна форма меланхолии превалирует над другой, как это, очевидно, происходит в настоящее время.

Иными словами, в каких обстоятельствах нам так достаёт смелости, стойкости и надежды для преодоления неотвратимой утраты и поисков нового способа отношения к ней? Меланхолия – это настроение или состояние души, с одной стороны, объединяющее людей во всем мире, но одновременно способное перерасти в размежёвывающий и разобщающий нас страх. Что требуется для того, чтобы меланхоличные переживания, так или иначе присущие каждому, не переросли в депрессию? Покой, рефлексия и сосредоточенность, разумеется (а, значит, снятие «запрета на вдумчивость»), но также социальная сплоченность, любовь, искусство и общий политико-культурный мир. Все эти составляющие необходимы для поддержания нашего «меланхолического здоровья». Только тогда мы сможем принять потери и перемены, с которыми сталкиваемся на протяжении всей жизни, и превратить их в новые начинания, – способность, которую Ханна Арендт называет «высшей силой человека». В противном случае беспокойство, неуверенность и страх одержат верх, обнажив преимущественно темную грань меланхолии. Вопрос в том, удастся ли нам перенаправить ее потом в плодотворное русло, в русло творческого вдохновения и сохранения надежды. Или же она обернется злобным негодованием и мы, подобно лебедю Асселина, с яростным шипением станем кидаться на всех, кто подошел слишком близко и угрожает нашему гнезду?